

Александр Громов

Скверна

Часть сборника
Звездная вахта (сборник)

Александр Николаевич Громов

Скверна

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4573100

Громов А. Н. Звездная вахта (повести и рассказы): Эксмо; Москва;

2012

ISBN 978-5-699-60552-1

Аннотация

«...Лестно быть первыми?

Не знаю, как вам, а мне не очень. Хорошо ли это – состариться в поисках и выйти на пенсию, так и не найдя то, что искал всю жизнь? Татьяна, наш спец по структурной лингвистике и негуманоидному интеллекту, однажды заявила, что не отказалась бы напороться в космосе на эскадру вооруженных до зубов космических каннибалов, и мы возражали ей только в порядке шутки. Никто из нас не отказался бы. Какое-никакое, а разнообразие.

Но до планеты Близнец ни нам, ни другим экипажам флотилии Дальней Разведки лет пять подряд не встречалось никаких признаков разумной жизни...»

Содержание

1	4
2	9
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Громов

Скверна

1

Никогда и ничего я не имел против Скотта Ивана. Совсем наоборот, он мне нравился. Он всем нравился. По-моему, надо быть очень угрюмым, озлобленным на весь мир субъектом, чтобы ощутить хотя бы малейшую неприязнь к Скотту Ивану.

Скотт – это его имя, Иван – фамилия. Хотя некоторые предпочитают произносить ее как Айвен. Я не пытался выяснить, какого роду-племени его предки. Да и зачем? Будь Скотт неприятным типом, чье присутствие в экипаже вызывает у всех изжогу, копание в его генеалогии, возможно, имело бы смысл, ну а так – какого рожна? Достаточно факта: хороший человек. Ну и иди к нам, хороший, мы тебе рады.

А плохие у нас надолго не задерживались. Экипаж отторгал их с такой же легкостью, с какой вода вытесняет керосин, отторгал, сам того не замечая, и они переводились на другие посудины – иногда со скандалом, но чаще тихо. И не любили впоследствии вспоминать о службе на «Стремительном».

Я бы на их месте тоже не вспоминал. Что толку даром травлять себе желчь? Если ты честный человек, то ничего,

кроме самобичевания, из этого не выйдет. Ходи и думай с закушенной губой: ты не вписался! Не годен. Не подошел.

Но я-то как раз подошел. И знаю точно: многие мне завидовали. Скрывали это, пренебрежительно кривились, отпускали колкости, но ведь правду не скроешь. Знаете проблемы небольших замкнутых коллективов? Когда месяцами видишь вокруг себя одни и те же рожи, слышишь одни и те же шутки, когда сосед открыл рот, а ты уже точно знаешь, что он собирается сказать, – трудно не озвереть. Это старая проблема долговременной совместимости человеческих индивидов, с нею борются психологи и загоняют-таки ее в подполье, но она все равно не исчезает полностью и время от времени дает о себе знать – иногда вплоть до серьезных ЧП.

Так вот: у нас на «Стремительном» такой проблемы не было. Совсем. Наш штатный врач и психолог Фриц переквалифицировался во второго микробиолога, дабы не сидеть без дела. Мы были единым организмом, а каждый из нас семейных – деталью, встроенной в «конструкцию» без малейшего люфта. Мы идеально дополняли друг друга, и жизнь наша была легка и солнечна. Вы не поверите, но положенный по профсоюзному соглашению отпуск не слишком радовал нас – ну что хорошего в перемещении, пусть временном, из комфортной среды в среду сомнительную?

Удивительный феномен. Один во всем космофлоте.

Само собой, работа мне всегда нравилась. Кому не понравится редкое везение, хотел бы я знать. Не так уж часто в на-

шей Вселенной попадают места, где зарабатывать деньги пусть не всегда легко, но всегда приятно.

А знаете, какая у нас работа? Романтическая с виду и убийственно-скучная по сути. Тщательно и предельно добросовестно искать то, чего, возможно, и нет.

С тех пор как полеты в пределах Галактики стали возможны, люди не переставали искать в ней следы деятельности разумных существ. Из чисто умозрительных построений вопрос внезапно перешел в практическую плоскость. Одни ли мы во Вселенной или хотя бы в Галактике? Если одни, то почему? Если не одни, то с кем нам придется делить сферы влияния и пытаться как-то сосуществовать? Разрешима ли эта проблема вообще?

Замечательно, если да. А если нет, то о противнике надо знать как можно больше еще до прямого столкновения с ним.

Миллиард или около того звезд Млечного Пути, теоретически пригодных для развития жизни. Сотня кораблей Дальней Разведки. Тысяч этак пятьсот стандартных лет на беглый осмотр этого самого миллиарда. Хороша задачка?

Если бы нас и еще несколько экипажей разведывательных кораблей перевели на сдельную оплату по результатам поиска чужих, мы бы давно протянули ноги с голоду. В тех краях Галактики, куда до нас не залетал еще ни один земной корабль, мы находили великое множество планет. Иногда среди них встречались планеты с водой и атмосферой, изредка

даже кислородной. Исключительно редко попадалась жизнь, увы, абсолютно неразумная – чаще всего бактерии или корочки плесени, которым еще миллиарды лет развиваться до сложных организмов. Еще реже встречалась жизнь, претендующая на звание высшей, однако на фоне интеллекта этих существ обыкновенная земная корова выглядела бы академиком. Не знаю, как у высоколобых аналитиков на Земле, а у меня крепло убеждение: ничегошеньки мы не найдем, сколь ни обшаривай закоулки Галактики. Земная жизнь, конечно, не уникальна, но она – первая. То ли раньше возникла, то ли быстрее развивалась, что, в сущности, неважно.

Лестно быть первыми?

Не знаю, как вам, а мне не очень. Хорошо ли это – состариться в поисках и выйти на пенсию, так и не найдя то, что искал всю жизнь? Татьяна, наш спец по структурной лингвистике и негуманоидному интеллекту, однажды заявила, что не отказалась бы напороться в космосе на эскадру вооруженных до зубов космических каннибалов, и мы возражали ей только в порядке шутки. Никто из нас не отказался бы. Какое-никакое, а разнообразие.

Но до планеты Блинец ни нам, ни другим экипажам флотилии Дальней Разведки лет пять подряд не встречалось никаких признаков разумной жизни. Только скалы – либо мертвые, успокоенные давным-давно, либо дрожащие под тектоническими ударами, трескающиеся, плюющиеся тучами пепла из кратеров. Скалы и пустыни.

И ни единого студенистого комочка жизни в редчайших природных образованиях — лужах.

Что тут поделаешь? Не везет. Никому не везло, не только нам. Невезение еще не повод вываливать на коллег свое раздражение, пусть даже «законное», и устраивать на борту склоки. Не помню, чтобы Бернару хоть раз пришлось использовать для пресечения ссор металлический фальцет, являющийся такой же неременной принадлежностью командира, как фуражка или табельное оружие. Если я ничего не путаю, за шесть лет он отдавал зычные команды всего-навсего раза два или три, всегда в критических ситуациях. Во всякое другое время он позволял спорить с собой и нередко соглашался с чужим мнением, но уж если гнул свое, то не приказывал, а уговаривал, причем как бы между делом. Если экипаж состоит из друзей, прекрасно понимающих друг друга, то где нужда в резких приказах? Ау! Нет ее, и лишь плохой командир обращается к тому, в чем нет нужды. А Бернар был хорошим командиром. Не отцом родным, нет. (Этого еще не хватало!) Просто товарищем, одним из нас. Чуть более опытным, чуть более здравомыслящим, ну и более ответственным, конечно. Вот и вся разница.

Но Скотт Иван, наш бортинженер, был, повторяю, лучшим в нашем экипаже.

До Близнеца.

Близнецом планету, внесенную в Реестр подлежащих исследованию миров под восьмизначным цифро-буквенным кодом, окрестили мы. Очень уж был этот зеленый, окутанный облаками шар похож на Землю. Сила тяжести на поверхности почти та же. Много воды. Три больших материка и с десяток крупных островов, каждый из которых лишь вдвое-втрое не дотянул по площади до полноценного континента. А главное – жизнь!

Буйство жизни. И тоже напоминающее Землю по структуре. Пояс экваториальных лесов. Пояс саванн. Пояс субтропических лесов. Умеренный лесостепной пояс, доходящий до самой северной точки самого северного острова. Тундры не было, но мы о ней не особенно сокрушались. Несколько цепей снежных гор. Очень, очень похожий на Землю мир – особенно если учесть, сколь многообразна и богата на выдумку Вселенная.

Близнец. Лучшего названия нельзя было и придумать. Как будто эта планета и Земля сошли с одного конвейера.

«Стремительный» – посудина маленькая. Побольше спасательного катера, поменьше частной яхты какого-нибудь толстосума. Наш кораблик вполне способен садиться на землеподобные планеты. И мы сели на границе тропического леса и саванны километрах в ста от обширного нагорья. Каюсь:

идея сесть именно в этом месте принадлежала мне. Если бы я только знал!..

Но тогда я еще ничего не знал, не мог знать и, как дурак, настоял на своем. При выборе точки посадки с мнением планетолога вообще трудно спорить. А у меня имелась целая уйма резонов.

Во-первых, в джунглях неподалеку от места посадки локатор зафиксировал довольно обширное округлое пятно – как знать, не искусственного ли происхождения? Но даже если оно окажется не заброшенным городом, размышлял я, а всего-навсего сильно разрушенной эрозией кальдерой громадного вулкана, мне это все равно интересно. Во-вторых, граница природных зон – это интересно биологам. А в-третьих...

Каяться так каяться. В-третьих, у меня в то время бурно развивался роман с Сильвией, нашим пилотом и навигатором, и поэтому соседство с нагорьем устраивало меня не только как специалиста по мертвой природе. Слетать туда на целый день, взяв Сильвию напарником, поскольку одиночная разведка категорически запрещена, и разумно поделить время между наукой и любовью... Подальше от чужих глаз и ушей, что ценно. Не в тесной каюте «Стремительного», чьи переборки всегда оставляли желать много лучшего в смысле звукоизоляции, а в полном одиночестве на иной планете. Циник хмыкнул бы и сказал: это должно возбуждать. А я бы поднес такому цинику кулак под нос и как честный человек

промолчал бы. Потому что по сути он прав.

Вы спросите: неужели в нашем смешанном экипаже никогда не бывало затяжных склок по вопросам отношений мужчины и женщины? Вопрос законный. Не знаю, удовлетворит ли вас мой ответ: никогда. Сильвия была замужем на Земле и, насколько я знал, не собиралась разводиться. Фриц также подлаживался к Сильвии, но ушел в тень, едва у меня наметился успех. Бернар был долгое время близок с Татьяной, а потом их связь кончилась безобразной ссорой, продолжавшейся час с минутами. И уже на следующий день оба они из любовников превратились в добрых товарищей. Нормально? Вполне. А как иначе? Малгожата, наш второй бортинженер, переспала, кажется, со всеми мужиками, когда-либо попавшими в ее поле зрения, и не потеряла уважения в нашем кругу. Не в том ведь дело. Вживись в нечто большее, чем собственный организм, делай работу раньше, чем ее сделают другие, думай о другом человеке из своей группы не меньше, чем о себе самом, – вот и весь рецепт прекрасного климата в коллективе. А если в данный момент ты на это не способен – уйди с глаз на какое-то время, запишись и не маячь. Попинай стены – иногда помогает. Или хоть молчи, если обстоятельства не благоприятствуют уединению.

Кроме того, наш экипаж был единственным в своем роде, разве я не говорил?

Итак. Посадка на антиграве прошла удачно, хотя в атмосфере нас и поболтало. Двигатели ориентации выжгли в са-

ванне черную пустошь радиусом в сотню шагов, стерилизатор убил вокруг корабля всю живность на десять метров вглубь почвы, автоматически включился защитный купол... готово! Выходи и приступай.

Не столько, впрочем, исследуй, сколько осматривайся. Пробуй остороженько, выискивай направления поисков для тех, кто придет за нами. Еще на орбите нам стало ясно, что после нас на Близнец потянутся экспедиции, оснащенные не в пример лучше нас. Мы лишь разведчики, мы торим пути. Хотя, разумеется, не упустим того, что само плывет в руки.

Кое-что уже приплыло. Найти планету со столь развитой биотой – редчайшая удача!

– Может, здесь мы наконец найдем разумную жизнь? – помечтал Бернар.

– Ага. Хорошо бы женщину, – ухмыльнулся Фриц.

Сильвия замахнулась на него салфеткой.

– А я тебе не женщина? – с веселым изумлением осведомилась Малгожата.

– Ты одна из нас. Деталь экипажа.

– Вот гляди, найдем цивилизацию разумных скунсов. Валай, знакомься с местными барышнями... только не забывай подходить к ним с наветренной стороны.

И начался обыкновенный треп с подначками, отшучиваниями и контрподначками – словом, все шло путем. Как раз нужное настроение перед началом серьезной работы.

Конец ему положил Бернар, добродушно посоветовав – именно посоветовав – нам приступить к исполнению наших прямых обязанностей.

Татьяна и Скотт выразили намерение разведать объект в джунглях. Я сделал вид, что собирался сам туда же, и симитировал легкое сожаление. Ну что ж, слетаю на нагорье, займусь чистой геологией...

– Сильвия, ты не составишь мне компанию?

Она согласилась, и я возликовал.

Проверка разведкостюмов – рутинная, но необходимая процедура. Создаваемый ими защитный барьер вокруг человека не пропускает внутрь все известные человеку микроорганизмы, не говоря уже о крупной живности. Кроме того, дышать полагается через маску с мембранным фильтром, а ткань костюма вряд ли порвут клыки самого крупного хищника. Это, так сказать, вторая линия обороны – на случай спонтанного отключения барьера. Само собой, написаны фолианты инструкций о поведении людей на чужих планетах, и раз в год всех нас, разведчиков, подвергают весьма дотошному экзамену. Но только какому-нибудь бумажному червя, никогда не летавшему даже на Луну, может быть неясно: наилучшая защита от опасностей – обыкновенный здравый смысл. Не теряй его – и скорее всего даже нагишом и без оружия останешься жив там, где паникер либо шапкозакидатель погибнет в танке высшей защиты. Потерять жизнь ничего не стоит. Но хотите верьте, хотите нет – как правило, в ее сохранении также нет ничего особенно сложного.

– Поосторожнее там, – на всякий случай пробурчал Бернар обычное свое напутствие. Как всегда, мы согласно покивали из чистой вежливости. Уж как-нибудь. Не новички. Разберемся. Своя шкура на кону.

Полет над саванной в малой шлюпке на антиграве – удо-

вольствие, а не работа. Опасность есть, но это опасность Неведомого. Любопытство с одновременным выбросом адреналина. За это иные бездельники платят немалые деньги. А для нас разведка на местности – хорошая отдушина. Тем более на такой планете, где есть жизнь! И разнообразие, и шанс показать все, на что способен. Неживое – осмотреть, живое – поймать и подвергнуть. Пир души. Не то что в глубоком космосе, когда то спишь, то не знаешь, чем занять себя. Профилактика бортовых систем. Расчет перехода до входа в очередной нуль-канал. Спячка во время субпространственного перехода. Спячка во время полета от устья одного нуль-канала до входа в другой. Снова профилактика... Подозреваю, что нам платили бы больше, не попадайся нам изредка такие вот отдушины, как Близнец. Доплачивали бы просто за скуку.

Сильвия вела шлюпку, а я присматривал одним глазом за аппаратурой, фиксирующей местность под нами и вокруг нас, в то время как другой мой глаз выискивал все интересное, что можно разглядеть с высоты птичьего полета. Стайки каких-то некрупных животных паслись на бледно-зеленой траве и при нашем приближении стремглав бросались врассыпную, стремясь уйти под защиту деревьев. Я сделал отметку в памяти: это неспроста, по-видимому, здесь могут водиться крупные летающие хищники. Одна древесная порода особенно нас позабавила: эти деревья изгибались дугой и вращались макушкой в почву, где, надо думать, образыва-

ли вторую корневую систему. На кой черт деревьям уподобляться аркам, я не понял и записал это в загадки для биологов. То и дело попадались конические отвалы красноватой земли – не то местные термитники, не то терриконы возле нор роющих животных. Прокатились какие-то шары вроде перекати-поля, и я не понял, растения это или животные. Каждый шар был метра полтора диаметром. Дважды встречались по-настоящему крупные звери, похожие на бронированные, ошетиленные шипами танки, – явные фитофаги. А шипы и броня у травоядных тварей, между прочим, почти наверняка означают, что здесь водятся серьезные хищники!

Человеку свойственны аналогии. Естественно, я был в плену привычных, земных представлений. Саванна? Муссонный климат? Незнакомые звери? Готово дело: мне мерещились мастодонты и саблезубые тигры. Помню, я был занят мыслью: что, если мы найдем на Близнеце не разумную, а полумразумную жизнь – какую-нибудь местную разновидность австралопитека или в лучшем случае питекантропа? Поймут ли они, кто мы и зачем явились? Удастся ли установить контакт? А если удастся, то много ли нам с него проку?

Потом саванна взбурлилась холмами, и Сильвия подняла шляпку повыше. Начиналось нагорье. Речки, прорезав глубокие ущелья, вырывались из теснин на свободу – кажется, только для того, чтобы изнемогать в саванне и большую часть года течь грязными ручейками на дне обширных русел среди растрескавшейся глины. Чуть позже из мутного воздуха вы-

лепились настоящие горы – иные вершины белели снежными шапками. С непривычки резанули глаз солнечные блики в синеве горных озер.

Сначала мы опустились на поляне возле горного леса, и я взял несколько образцов породы с торчащих повсюду скал. Ничего сенсационного я не нашел – довольно обыкновенные диориты и андезито-базальты. Сильвия прикрывала меня с бластером наперевес от несуществующей опасности и молчаливо выражала нетерпение. Ах, как я ее понимал! Мне и самому не терпелось, между нами говоря.

Следующую посадку мы сделали на берегу горного озера в поистине божественной красоты месте. Сразу девять водопадов срывались в озерную чашу. Кто сказал, что человеку нужна только Земля? Знал бы он, что во Вселенной изредка встречаются такие уголки, что куда там всем земным красотам! Любой земной ландшафт показался бы здесь замухрышкой рядом с принцессой.

На сей раз мы не стали терять времени – и так, по нашему обоюдному мнению, ждали слишком долго. У нас едва хватило терпения развернуть защитный силовой купол, чтобы какая-нибудь зубастая местная дрянь не вздумала нами победать.

Мы иступленно рвали друг с друга одежду – рвали, хотя разведкостюм не разорвешь, его надо снимать по инструкции, за семнадцать операций. Но нижнему белью досталось по полной программе. Мы слишком долго не были вместе,

то есть были просто товарищами, а это хоть и много, да не то. И как раз шестилетняя дружба без намека на интимную близость придавала нашему слиянию особую пикантность. Боже, как нам было восхитительно любить друг друга на нагретой солнцем каменной плите под глубоким небом рядом с чистейшей озерной синевой! Никогда не испытывал ничего подобного. Не высшее счастье, нет. Но высшее наслаждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.